

А. Э. Котов

ПЕТЕРБУРГСКОЕ СЛАВЯНОФИЛЬСТВО 1860–90-х гг.*

Статья посвящена выявлению специфики петербургского славянофильства 1860–90-х гг. Рассматриваются общественно-политические воззрения пореформенных публицистов-«почвенников», а также О. Ф. Миллера, И. П. Корнилова, В. И. Ламанского, А. В. Васильева, А. А. Киреева и др. По мере своего превращения из философского течения в политическую идеологию славянофильство получало все большее распространение среди разных групп интеллигенции, в том числе и чиновно-служилой. Являясь в своей основе, как и московское славянофильство, консервативно-демократическим движением, славянофильство петербургское «вмещало» в себя и «государственническую», и эгалитарно-демократическую тенденции — не всегда мирно уживавшиеся, но далеко не во всем друг другу противоречившие. Более остро, чем у московских славянофилов, звучал у петербуржцев национальный вопрос. Петербургские славянофилы и их последователи не породили оригинальных идеологических и политических конструктов. Они представляют интерес как своеобразные «ретрансляторы» зародившегося в московских салонах 1840-х гг. национально-демократического дискурса.

Ключевые слова: консерватизм, национализм, демократия, славянофильство, А. Ф. Гильфердинг, О. Ф. Миллер, И. П. Корнилов, В. И. Ламанский, А. В. Васильев, А. А. Киреев, М. Г. Черняев.

Славянофильство, особенно раннее, нередко воспринимается как идеология дворянской Москвы, противопоставлявшей себя безнациональному бюрократическому Санкт-Петербургу. Однако на рубеже 1850–60-х гг., по мере своего превращения из философского течения в политическую идеологию, славянофильство получало все большее распространение среди разных групп интеллигенции, в том числе и чиновно-служилой. Одним из симптомов происходившей трансформации славянофильства стало «почвенничество» 1860-х гг., обыкновенно связываемое с изданиями Ф. М. Достоевского. Оно было с крайним подозрением встречено И. С. Аксаковым: «...вы были бы не правы, если б вообразили, что вся эта Санкт-петербургская руссоomania есть действительно искренне пробуждение в жителях Санкт-Петербурга народного русского чувства. Повторяем, мы еще не изжили всей той исторической лжи, которой носителем является для нас Петрова столица. Мы должны будем пройти сквозь новый вид, новый фазис лжи, и если в прежнее время русские, обезьянничая, передразнивали немцев и рядились в немецкие кафтаны, то теперь — немцы или Санкт-петербуржцы обезьянничают, передразнивают русских и рядятся в русские зипуны и охабни. Последняя ложь горше первой...»¹.

Дальнейшие события — в том числе, общенациональное движение в защиту балканских славян, запрет Московского и продолжение деятельности Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества — развеяли этот скепсис. В 1883 г. Н. Н. Страхов на страницах аксаковской «Руси» уже говорил о Достоевском как о «главном деятеле» «некоторого *петербургского славянофильства*», представлявшего собой «совершенно особую струю в потоке петербургской журналистики, струю,

Александр Эдуардович Котов — кандидат исторических наук, доцент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (akotov@inbox.ru).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Дневник А. В. Богданович (1879–1890 гг.)» № 17-01-00021.

¹ Аксаков И. С. Сочинения. Т. 2. Славянофильство и западничество. СПб., 1891. С. 72.

расширяющуюся с каждым годом»². В эту «струю» входили не только так называемые «почвенники», но и представители университетской профессуры — историк Владимир Иванович Ламанский (1833–1914), филолог Александр Федорович Гильфердинг (1831–1872) и Орест Федорович Миллер (1833–1889). Значительную роль играли в петербургском славянофильстве и военно-бюрократические круги, представленные прежде всего такими выдающимися деятелями, как граф Николай Павлович Игнатьев (1832–1908) и генерал Михаил Григорьевич Черняев (1828–1898); известным издателем полковником Виссарионом Виссарионовичем Комаровым (1838–1907); видным публицистом генералом Александром Алексеевичем Киреевым (1833–1910). Значительно менее известны (и, не будем скрывать, куда менее оригинальны) такие публицисты, как сподвижник М. Н. Муравьева Иван Петрович Корнилов (1811–1901) и протеже Т. И. Филиппова Афанасий Васильевич Васильев (1851–1929). Сильное влияние славянофильства испытали и такие своеобразные, не похожие друг на друга петербургские деятели, как К. П. Победоносцев и А. С. Суворин.

Простое перечисление столь разновеликих имен делает очевидной неоднородность этого направления. Являясь, как и московское славянофильство, в своей основе консервативно-демократическим движением, славянофильство петербургское «вмещало» в себя и «государственническую», и эгалитарно-демократическую тенденции — не всегда мирно уживавшиеся, но и далеко не во всем друг другу противоречившие. Близость петербургских славянофилов к центрам государственного управления делала их отношение к власти несравненно более гибким, чем у постоянно страдавших от цензурно-бюрократического произвола славянофилов московских. Левые «перегибы» раннего «почвенничества» постепенно преодолевались на страницах издаваемого В. В. Кашпиревым журнала «Заря». Значительный вклад в эту трансформацию внес впервые вышедший в 1869 г. на страницах этого журнала знаменитый труд Н. Я. Данилевского. Именно автор «России и Европы» подвел под «розово-христианские» философские искания ранних славянофилов естественнонаучный базис, и именно в его публицистике окончательно определился главный акцент позднего славянофильства — внешнеполитический.

Более остро, чем у московских славянофилов, звучал у петербуржцев национальный вопрос. Так, В. И. Ламанский формулировал его следующим образом: «Как бы ни старались унижать дарования <...> русского народа, в особенности, как бы ни превозносили способностей, значения и влияния некоторых русских инородцев, как бы ни преувеличивали естественных и культурных преград успешному в будущем росту русской образованности, однако самые грубые, по своей осязательности, факты и нашего прошлого и нашего настоящего неопровержимо доказывают, что, по крайней мере, со второй половины XV в. русский народ неудержимо растет и множится силой естественного нарождения и постепенного, мирного уподобления живущих посреди его чужих народностей, все далее раздвигает границы своей речи, Церкви и государства, постепенно расширяет круг своей материальной и умственной деятельности, открывая новые и совершенствуя разработку старых источников духовного развития и материального богатства. Как в нерусской Азии отсутствие одного преобладающего народа, языка и веры, с одной стороны, решительно мешает культурному и политическому ее объединению, а вместе и согласному и успешному ее противодействию своим противникам, так, наоборот, решительное преобладание в Европейской и Азиатской России одной веры, одного языка и народности есть главный источник ее политического и культурного единства, прежних и грядущих успехов в борьбе с ее противниками и соперниками, Западом — Европой и Югом — собственно Азией»³.

Убежденность в приоритете национального начала над сословным во многом роднила славянофилов с «государственниками» катковского направления. Не случайно М. Н. Катков писал Ламанскому: «Сочувствие людей как Вы, уверяю Вас, было

² Страхов Н. Н. Литературная критика. СПб. : Изд-во РХГИ, 2000. С. 399.

³ Ламанский В. И. Геополитика панславизма. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2010. С. 198.

для меня всегда и подкреплением, и отрадой в трудах и волнениях моей деятельности»⁴. Сам Ламанский еще в 1858 г. тщетно уговаривал И. С. Аксакова: «Читая политические обозрения Каткова, статьи, по моему мнению, имеющие политическое значение, его же (должно быть) статью о русской общине — я всегда радовался и говорил себе — чем же Катков не славянофил, т. е. русский образованный человек, питающий глубокое уважение к преданью и обычаю, христианин и славянофил... Я видел огромную разницу между ним и направлением „Атеней“, „Современника“, „Отечественных записок“. Я предвижу, как с течением „Русский вестник“ еще более отделится от „Атеней“ и еще более сблизится с „Беседами“...»⁵

Другой известный петербургский славянофил А. А. Киреев также ничего не имел против подобного объединения. Он утверждал, что и Катков, и Аксаков «...были выдающимися силами „национализма“, „народничества“»⁶. Киреев стремился к такой консолидации всех направлений «русской партии», при которой «общим знаменателем» ставились бы не вторичные, по его мнению, вопросы вроде отношения к народному представительству, а личные качества участников⁷. В письме к А. А. Александрову он категорически отмежевывался от того консерватизма, к которому принадлежал кн. В. П. Мещерский или отдельные губернаторы, «имеющие привычку сечь тех, которые живут в управляемых ими губерниях»⁸. Точно так же не нравилась ему «Церковь Константина Петровича Победоносцева, генералов Ахматова и Протасова»⁹. В пику В. С. Соловьеву Киреев хлопотал о соединении с русской Церковью западного старокатолического движения, объединяло же его с философом (и отчасти с Т. И. Филипповым) убеждение в необходимости созыва Вселенского Собора и *свободной дискуссии* по церковному и национальному вопросам.

Свою публицистическую деятельность генерал воспринимал как рыцарское служение — не случайно интерес к дуэлям сочетался у него с твердым убеждением в необходимости свободы слова. Правда, свободу эту генерал понимал своеобразно: «Защитникам существующего строя необходимо дать большую свободу, да и учить их не нужно, не нужно объяснять Аксакову, что такое патриотизм, или Каткову, что такое охранительные начала... Но с увеличением свободы должна соответственно увеличиться и ответственность»¹⁰. Попытки примирить «свободу» и «ответственность» очевидным образом перекликаются с его же размышлениями о поединках: «Истинная дисциплина (и общественная, и личная) — прямой результат культуры. Она не что иное, как добровольное отречение от необузданного своеволия, добровольное и осмысленное подчинение своей воли воле высшей (государственной, семейной, церковной), она, стало быть, совсем не „палка“, не бессмысленное принуждение, как думают некоторые. Отрицать, что мы, русские, в состоянии дисциплинироваться, все равно, что отрицать нашу способность быть культурным народом»¹¹.

С глубоким внутренним аристократизмом и чувством формы связано было внимание Киреева к любимым катковским сюжетам: классическому образованию и философии. Однако в отличие от не склонного к особенной религиозности Каткова, Киреев уделял много внимания церковным вопросам — и здесь сходилась скорее со славянофилами. Его религиозные взгляды проникнуты аристократическим стремлением к *идеалистически оформленной* свободе. Для него важна была Церковь не только как «тело Христово», но и как социальный институт — впрочем, не настолько организованный, как Церковь католическая: «в православной Церкви уравновешены свобода и авторитет, неизменная в своем божественно установленном учении, она может

⁴ Катков М. Н. — Ламанскому В. И. 4 июня [б. г.]. СПФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 698. Л. 2–2 об.

⁵ Переписка двух славянофилов // Русская мысль. 1916. Кн. 9. С. 7.

⁶ Киреев А. А. Славянофильство и национализм... С. 3.

⁷ Киреев А. А. Дневник. ОР РГБ. Ф. 126. К. 9. Л. 199.

⁸ Киреев А. А. — Александрову А. А. 7 февраля 1897 г. РГАЛИ. Ф. 2. Ед. хр. 14. Л. 23 об.

⁹ Киреев А. А. — Александрову А. А. 5 февраля 1893 г. РГАЛИ. Ф. 2. Ед. хр. 14. Л. 9.

¹⁰ Киреев А. А. Критические заметки. М., 1897. С. 9.

¹¹ Киреев А. А. Письма о поединках. СПб., 1899. С. 20.

не только выполнить своей высшее назначение относительно каждого отдельного христианина, но и дать высшее освящение (высшую санкцию) государству; только она превращает политическое Российское государство в *Святую Русь*, то есть в государство-церковь, чем наше отечество и должно оставаться вечно и неизменно»¹².

Однако, по Кирееву, «*наша Церковь* (и в этом ее несомненное преимущество перед латинской) не налагает запрета на уста мирянина... Церковь наша требует от нас свободной деятельности сына, а не бессознательной деятельности невольника»¹³. При этом Киреев отмечал и необходимость «крепко разграничить нашу святую церковную догматическую истину, божественную истину, которую не одолеют врата адавы, от человеческих элементов, ее затемняющих»¹⁴. Собственно, идея духовной свободы и вела Киреева к национализму: он отмечал актуальность «стремления к соединению более или менее однородных церковных единиц», которое обусловлено «стремлением к группировке одноплеменных народностей»¹⁵. Вселенская Церковь виделась ему свободным конгломератом национальных Церквей.

Политический национализм Киреевым воспринимался в связи «с наивысшей идеей, доступной политике, — с идеей свободы, <...> она вносит в жизнь народа идеальный элемент», давая людям возможность избавиться как от чужеземного ига, так и от зависимости перед низменными страстями. Несмотря на свой монархизм, Киреев считал, что в случае, если национальные интересы вступают в противоречие с легитимистскими ценностями, приоритет безусловно должен быть отдан первым: «Разве ханы Золотой Орды не были нашими законными владыками? Разве владычество их не было освящено временем, не было торжественно признано князьями?»¹⁶ Переход к национальному государству воспринимался им как неизбежное следствие объективного исторического процесса: «И на Западе старое понятие о Государстве, рассматриваемом вне данных этнографии, отживает свой век; оно <...> постепенно заменяется новым понятием племенной группы. И Бисмарк, и Кавур были совершенно правы, поняв требования своего времени и объединив первый — Германию, второй — Италию»¹⁷.

Своеобразным сочетанием славянофильства и сословно-дворянского консерватизма были воззрения другого генерала — М. Г. Черняева. Его газета «Русский мир» традиционно считается «рупором» Р. А. Фадеева, некогда бывшего оппонентом славянофильства, но во время обострения славянского вопроса (1870-е гг.) занявшего панславистские позиции. Главным объектом критики газеты были, как известно, милютинские военные реформы. Эта полемика во многом была продолжением фадеевской критики славянофильского «эгалитаризма». Даже после победоносной русско-турецкой войны Черняев при каждом удобном случае повторял, что «грамотность для солдат гибельна, что реформы Милютина сгубили армию»¹⁸. Панславизм же Черняева был связан не столько с идейными, сколько с карьерными и субъективно-личными мотивами.

В славянофильских кругах об этом стали говорить уже после начала русско-турецкой войны — когда необходимость в героизации «архистратига славянской рати» стала не столь насущной. Так, В. А. Черкасский в мае 1877 г. писал И. С. Аксакову: «Что сказать вам о Черняеве? Я видел его несколько раз и он, скажу вам откровенно, произвел на меня самое тягостное впечатление. Это человек, навсегда испорченный самолюбием, самомнением и грубейшим тщеславием...»¹⁹. В октябре

¹² Киреев А. А. Краткое изложение славянофильского учения. СПб., 1896. С. 5.

¹³ Киреев А. А. Религиозные задачи России на православном Востоке. М., 1896. С. 4.

¹⁴ Киреев А. А. — Александрову А. А. 5 февраля 1893 г. РГАЛИ. Ф. 2. Ед. хр. 14. Л. 8 об.

¹⁵ Киреев А. А. Религиозные задачи... М., 1896. С. 26–27.

¹⁶ Киреев А. А. Славянское обозрение // Известия СПб. слав. благотвор. об-ва. 1883. № 1. С. 2.

¹⁷ Киреев А. А. Религиозные задачи... С. 27.

¹⁸ Дневник А. В. Богданович. 25 января 1888. РГИА. Ф. 1620. Ед. хр. 238. Л. 29 об.

¹⁹ Переписка И. С. Аксакова с кн. В. А. Черкасским (1875–1878) // Славянский сборник. Славянский вопрос и русское общество в 1867–1878 гг. М., 1948. С. 172.

1881 г. А. А. Киреев записал в дневнике: «Черняев вел себя в Сербии непозволительно не только относительно министров, которые вообще довольно дрянной народ (под цвет нашей „интеллигенции“), но и с самим князем [Миланом Обреновичем]; притом ведь Черняев приехал добывать себе концессию»²⁰.

С другой стороны, неискренним человеком Черняев, несомненно, не был. Даже в последние годы жизни он придерживался твердого убеждения в необходимости сохранения именно южного вектора русской геополитики. В 1895 г. он с сожалением констатировал в письме к П. А. Кулаковскому: «...в последние 10 лет моего пребывания в Петербурге я устранился от всего и предался созерцанию и чем больше наблюдал, тем более приходил в уныние. Петербург, как бы испугавшись результатов последней войны, бросил совсем наш юг (Кавказ, Среднюю Азию, даже Новороссийский край) и устремил все свои помыслы и усилия на крошечные страны Севера, как бы стараясь этим вознаградить себя за неудачу на юге. Принялись за Финляндию, Остзейцев, стали массами переселять в Сибирь, вздумали переводить флот из Кронштадта на Мурман, начали строить ж[елезную] д[орогу] в Сибирь, Архангельск, к Норвежским берегам. Словом, полное стремление к северу, как будто нам, как в начале нашей истории, угрожало с Юга движение варваров». Неудачный исход собственной карьеры в холодной имперской столице лишь укреплял отставного генерала в необходимости переноса столицы в Киев»²¹.

В целом же в петербургских славянофильских кругах, как и в московских, преобладал не сословно-дворянский, но эгалитарно-демократический пафос. А. Ф. Гильфердинг вслед за А. С. Хомяковым, И. С. Аксаковым и Ю. Ф. Самариним видел российское государство силой, защищающей всех «плебеев человечества», а ненависть поляков к России выводил из шляхетской сословной спеси: «Москва, бившая челом пред татарским ханом, исповедующая ту же веру, как белорусский и украинский *хлоп*, не знающая шляхетского *гонору* и по всему этому также презираемая, как западноевропейское простонародье»²².

Противодействуя польскому и остзейскому сепаратизму, славянофилы поддерживали литовское и эстонское национальные движения. По мнению Гильфердинга, «...древнейшие связи литовского народа были с русскими; через русский мир проникли к нему первые начала гражданственности, первые лучи христианства. Литовский народ льнул, так сказать, к русскому миру. Даже в то время, когда он господствовал над обширными русскими областями, он не только не утеснял русской народности, а напротив, охотно себе ее усваивал, давал русскому языку права языка официального в своей собственной стране. Но Польша успела на несколько столетий прервать эту древнюю связь, истекавшую из самой природы вещей, из самого положения литовского края»²³.

Большое внимание литовскому вопросу уделял другой деятель Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества — И. П. Корнилов. И в качестве попечителя Виленского учебного округа при М. Н. Муравьеве, и позднее в качестве публициста, Корнилов много сделал для перевода литовского языка на кириллицу и его введения в православное богослужение. Корниловым был одобрен разработанный С. П. Микуцким вариант литовского кириллического алфавита из 28 знаков и на его базе напечатан в 1864 г. литовский букварь «Абецеле жемайтишкэй лѣтувишка».

Отмечая отсутствие у литовских крестьян того времени склонности к политическому национализму, их заинтересованность только в личной безопасности и религиозной свободе²⁴, Корнилов пропагандировал «укрепление жмудской национальности, вовсе не враждебной России и правительству в низших слоях населения,

²⁰ Киреева А. А. Дневник. ОР РГБ. Ф. 126. К. 9. Л. 16.

²¹ Черняев М. Г. — Кулаковскому П. А. 27 ноября 1895 г. ОР ИРЛИ. Ф. 572. Ед. хр. 254. Л. 7–8.

²² Гильфердинг А. С. Россия и славянство. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2009. С. 156.

²³ Там же. С. 259–260.

²⁴ Корнилов И. П. Путевые заметки. Витебск: Губернская типография, 1895. С. 28.

и постоянное внушение крестьянам, что они не поляки, а жмудины и литовцы, и что Россия не желает вовсе обрусить их, а хочет только сблизить их интересы с интересами государства»²⁵.

При этом Корнилов обращался и к истории Великого Княжества Литовского, напоминая, «что древнейшие и знатнейшие князья и бояре западнорусские и литовские исповедовали православную веру и на Люблинском сейме торжественно стояли за православие и русские начала». Одной из главных задач своей деятельности Иван Петрович считал, «чтобы на западных окраинах империи, среди местного коренного населения явились представители русского и литовского народов, которые бы напоминали доблестных православных князей Острожских, Сапег, Чарторыйских и многих других»²⁶.

Роль И. П. Корнилова в общественной жизни славянофильского Петербурга до сих пор остается недооцененной. В начале 1870-х гг. его дом стал одним из центров притяжения различных представителей консервативной интеллигенции. Регулярно бывавший на вечерах у Корнилова А. В. Никитенко отмечал, что «здесь собираются лица, ратующие против поляков»²⁷. В разное время мемуарист встречал здесь М. П. Погодина, П. К. Щебальского, М. О. Кояловича, М. Н. Каткова, Т. И. Филиппова и пр.

Атмосферу этих вечеров Никитенко описывал не без доли скепсиса: «Первый вечер после летнего отдыха у И. П. Корнилова <...> Кого тут не было и сколько людей тут было! И каждый со своими тенденциями политическими, литературными, общественными. Но это само собой разумеется: сколько голов, столько умов. Не в этом и дело. Разнообразие в Божьем мире неисчерпаемо, а разномыслие и разнологосица в русском мире бесконечны. Но вот беда: самолюбия в этом разногласии ненасытны. Вступая в разговор с другим, каждый сначала будто готов на компромисс; он любезно приглашает вас высказать ваше мнение, по-видимому, для того, чтобы прийти с вами в соглашение или признать за вами право на собственное мнение. Но попробуйте высказать его откровенно, если оно сколько-нибудь ваше и самостоятельно, вы встретите такой отпор, как будто нанесли вашему собеседнику личное и кровное оскорбление. И что за хаос мнений! Как легко распространяются самые нелепые слухи! Как во всем господствует пристрастие и личные виды! Ходишь в этой толпе как в чаду, с отягченной головою»²⁸.

Впрочем, была в петербургском славянофильстве и иная тенденция. Другой деятель Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества, А. В. Васильев, утверждал, что по сути своей славянофильский национализм не противоречит либеральному космополитизму: «каждый ... космополит неложно должен признавать за человеком другого племени или целым народом их человеческое и народное достоинство и их национальные права... Только этого и хочет славянофильство: уважая национальные права других, оно требует от них такого же уважения к себе»²⁹. В своем гуманистическом рвении Васильев шел значительно дальше Аксакова и Самарина, от защиты прибалтов и балканских славян переходя к эфиопам. Считая провал экспедиции Н. И. Ашинова досадным недоразумением, Васильев рекомендовал поставлять оружие Абиссинии для обороны от итальянской экспансии и рисовал выгоды «приобретения нами удобной морской стоянки по соседству с Абиссинией, для которой мы будем не злыми насильниками, а добрыми и желанными соседями-друзьями.

²⁵ Корнилов И. П. Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в муравьевскую эпоху. Вып. 1. СПб. : Тип. Суворина, 1908. С. 39.

²⁶ Корнилов И. П. Заметка о литовско-русской знати и ее измене русским интересам. РГИА. Ф. 970. Ед. хр. 185. Л. 2–3.

²⁷ Никитенко А. В. Дневник : в 3 т. Т. 3. СПб. : Худ. лит., 1956. С. 135.

²⁸ Там же. С. 214.

²⁹ Васильев А. В. Миру-народу мой отчет за прожитое время. Сборник статей, докладов, речей, стихов и заметок по вопросам христианской нравственности, права, государственного управления и хозяйства. Петроград. : Печатня МПС, 1908. С. 155.

Свободная и вооруженная Абиссиния была бы прекрасным и далеко не маловажным дополнением к франко-русскому союзу»³⁰.

Подобно Корнилову, Васильев не отличался оригинальностью своих воззрений. Крайне едко характеризовал его В. В. Розанов: «Афанасьешко Васильев, генерал-контролер Государственного контроля, ходивший в армяке и в мурмолке, сочинявший стихи и прозу в память Хомякова и издававший „Благовест“ „для пользы службы“, т. е. писавший в нем дифирамбы Филиппову и инвективы против врага и гонителя Тертия, Витте... Они все, Третий [Филиппов], [Н. П.] Аксаков, Афанасий (тоже длинная борода) — были тусклы, скучны, невыносимы и неудачны в литературе: и это их как-то „связывало“ и объединяло, внутренне дружило и „сердце сердцу весть подавало“»³¹.

В 1904 г. публицистика А. В. Васильева под влиянием общественных настроений момента приобретает обличительный характер: «Честолюбцы и хищники, надевая на себя личину особенного официального благочестия и казенного патриотизма, посредством наушничества и продажной печати стараются внушить и утвердить ту ложную мысль, что будто бы для народного благочестия и полноты царской власти необходимы административный и сословный произвол, немота и бесправие народа. Но эти мнимые „охранители“ Церкви и престола подкапываются под них хуже анархистов. Ибо ничто не подрывает так в народе уважения к Церкви и религиозным чувствам, как кощунственно-набожные речи разных содомитов и ханжей и притязания их покровительствовать Церкви, и никто не в состоянии так уронить обаяние власти, как постоянное противоположение ее людьми, объявляющими себя особенно ревностными ее защитниками и слугами, всему, что дорого каждому, не утратившему своего достоинства человеку: личной безопасности, гражданскому равенству, самоуправлению и независимому от административного усмотрения суду»³².

Были в среде петербургского славянофильства и изначально либеральные авторы, чьи воззрения определились еще в дореформенный период. Наиболее яркий представитель их крайне-левого крыла славянофильства — знаменитый филолог О. Ф. Миллер. Главный объект критики Миллера — «русский бисмаркизм» и идеал «немецкого полицейского государства»³³. Идеолог этого «бисмаркизма» М. Н. Катков, по его мнению, предоставлял «государство его собственным средствам, той самодовлеющей власти, которая, выдаваемая за сильную, часто оказывается прямо слабою, потому что опирается только на служилых людей»³⁴.

Показательна реакция на подобные заявления О. Ф. Миллера со стороны других участников Петербургского Славянского общества. Так, перебирая в переписке с самим И. С. Аксаковым возможные кандидатуры на должность редактора органа этой организации, А. А. Киреев в характерной для него эмоциональной манере решительно отвергал Миллера: «Миллер — прекрасный человек, но он немного маниак — представитель идей энциклопедистов — можно ли в эти рамки вставить славянский вопрос!»³⁵

Орест Федорович в самом деле пришел к славянофильству через просветительский гуманизм. Еще в 1862 г. он выступил в Берлинском обществе для изучения новых языков с докладом «О бое Ильи Муромца с сыном сравнительно с Гильдебрандовой песнью», позднее легшим в основу его докторской диссертации. Филолог доказывал нравственное превосходство русского богатыря, его самопожертвование и чистоту, приверженность семейному идеалу — в то время как героев германского

³⁰ Васильев А. В. Миру-народу мой отчет... С. 556.

³¹ Розанов В. В. Письма 1917–1919 годов // Литературная учеба. 1990. № 1. С. 87.

³² Васильев А. В. Миру-народу мой отчет... С. 142.

³³ Миллер О. Ф. Западники и славянофилы в их отношении к малорусской народности. СПб., 1884. С. 9.

³⁴ Миллер О. Ф. Славянофилы и Катков // Русский курьер. 1887. № 267. С. 2.

³⁵ Киреев А. А. — Аксакову И. С. 27 июня 1887 г. ОР ИРЛИ. Ф 3. Оп. 4. Ед. хр. 265. Л. 32 об.

эпоса с их «грубыми понятиями» и эгоизмом, по его мнению, можно сравнить разве что с «людоедами Америки»³⁶.

Сблизившись со славянофилами, Миллер подверг критике западное просветительство. Накануне русско-турецкой войны 1877–1878 гг. он отмечал, что «европейская проповедь гуманных начал — это такая поэзия, которой не совсем-то поддается в Европе действительность с ее верховным началом — выгодой». Публицист критиковал просветителей XVIII в., которые сами не были свободны от принципов «старого порядка»: «В жизни, из личных удобств, они льнули к аристократии; аристократическое начало управляло ими и в самой теории — оно явилось у них как нравственная или духовная аристократия, постоянно ими противопоставляемая *au gros du genre humain*»³⁷. Так появился культ человеческой личности, сменившийся революционной «верой — этой дикой, нелепой и ужасающей верой в злодейство как силу зиждительную». Проникшее в Россию после «петровского террора» просветительство закономерно совпало с «апогеем крепостного права»³⁸.

Однако Миллер не думал рвать с европейской культурой и общественной мыслью: «варварским» идеям Вольтера и якобинцев он противопоставлял «действительно свободные» взгляды Ж. Руссо, М. Монтеня и Дж. Вико, проложившим «стезю, ведущую к признанию прав и народов уже не отдельной привилегированной, а совокупной народной личности, признанию, служащему основой принципу народности». Миллер отрицает роль в истории великих личностей: «Все делается совокупным и дружным трудом, в котором принимают участие и люди обыкновенные <...> Цивилизация в сущности создается народами; каждый великий народ вносит свою самостоятельную долю в ее сокровищницу»³⁹.

Принцип народности, по мнению ученого, действовал не только в политике, но также в науке и культуре. Соответственно, и на Западе «готовится возрождение в развивающемся начале народности», а «гниют» те начала, от которых сами желали бы избавиться многие европейцы: «предания римского государственного универсализма» и «космополитические начала духовного, папского Рима». В этой внутренней борьбе народы Европы могут обрести союзников только в лице молодых славянских стран. Особой его любовью пользовались чехи, в частности, гуситы — «ранний расцвет той идеи братства, которою только в будущем будет сметен все еще преобладающий в Европе индивидуализм»⁴⁰.

Национально-демократические аспекты славянофильства развивал в своей публицистике и столь значимый представитель петербургской журналистики, как А. С. Суворин. Редактор «Нового времени» являлся давним приверженцем идеи Земского собора. Он поддерживал ее еще в период недолгого пребывания у власти другого петербургского славянофила — графа Н. П. Игнатьева⁴¹. Впрочем, и ранее Суворин высказывал суждения, близкие к славянофильским — причем, не только в публицистике и дневниках, но и в частных разговорах. Яркие свидетельства последних сохранились в дневнике А. В. Богданович — хозяйки салона значительно менее «партийного», но куда более влиятельного, чем корниловский. Наряду с Сувориным, дом Е. В. и А. В. Богдановичей посещали заметные «практики» петербургского славянофильства — В. В. Комаров и Н. П. Игнатьев.

Весьма схожи с аксаковскими были высказывания Суворина по поводу нашумевших в 1879 г. брошюр П. П. Цитовича, которые, по мнению редактора «Нового времени», только компрометировали правительство⁴². Как и славянофилы, Суворин

³⁶ Миллер О. Ф. Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса. Илья Муромец и богатырство Киевское. СПб., 1870. С. 134.

³⁷ Миллер О. Ф. Славянство и Европа. СПб., 1887. С. 67.

³⁸ Миллер О. Ф. Ужасная логика (1 марта 1881 г.). М., 1881. С. 1–2.

³⁹ Миллер О. Ф. Славянство и Европа... С. 68, 69.

⁴⁰ Там же. С. 74, 77.

⁴¹ Новое время. 1882. № 2229. 14 мая.

⁴² Богданович А. В. Дневник. 11 марта 1879 г. РГИА. Ф. 1620. Ед. хр. 234. Л. 5.

испытывал крайний скепсис относительно талантов отечественной бюрократии: «...говорил, что у нас нет дипломатов, что у нас вообще нет государственных людей, что все это у нас люди заурядные»⁴³. Любопытно и суждение публициста относительно состояния умов в начале XX столетия: «...теперешние люди за 2–3 года совсем изменились, ... у них есть много инициативы, ... они совсем иначе работают, ... это люди с убеждением, могут принести пользу, а если правительство их не поддержит, они будут хуже анархистов»⁴⁴.

Не случайно именно в 1902 г. Суворин вновь обращается к идее Земского собора — отстаивая ее в своем письме к С. Ю. Витте, написанном по поводу виттевской брошюры о земстве⁴⁵. И наконец, поздней осенью 1904 г., когда уже была предрешена судьба Порт-Артура, редактор «Нового времени» приступил к систематической пропаганде главного славянофильского проекта. На страницах своей газеты он сравнил «эпоху» Святополк-Мирского с началом 1860-х и высказывал надежду на наступление «именно такой весны, которая походила бы на эволюцию, а не на революцию со всеми ее ужасами, беспорядками, разгулом страстей, произволом, насилием и проч.». И если славянофилы в своей риторике 1860-х гг. лишь осторожно упоминали о «плебейх человечества», то Суворин уже напрямую пишет о необходимости свободы: «Слово „свобода“ недаром у нас популярно. Оно было в нашем языке испокон века и испокон века было любезно русскому сердцу. Всякое „освободительное“ движение было у нас популярно, были ли то ирландцы, греки и буры, или итальянцы и славяне. Да, даже славяне пользовались нашей любовью не столько потому, что они славяне, братья наши по крови, сколько потому, что они были угнетены и хотели свободы»⁴⁶.

Любопытно, что помимо своего традиционного публицистического оппонента В. П. Мещерского Суворин вступил в полемику и с аксаковским эпигоном — С. Ф. Шарاپовым, утверждавшим, что «...нынешняя Россия еще долго не может дать Земского собора». Ссылаясь на авторитет самого И. С. Аксакова, редактор «Нового времени» утверждал, что «эти строки, полные скороспелого отчаяния, соединенного с самоуверенностью непогрешимости своих выводов, продиктованы <...> крайней растерянностью и легкомыслием»⁴⁷.

Зная о том, что в Министерстве внутренних дел обсуждается вопрос об одностороннем Земском соборе, посвященном вопросу продолжения войны⁴⁸, Суворин 19 мая напоминал о рескрипте 18 февраля 1905 г. и требовал немедленного созыва Земского собора, считая его единственной возможностью сплотить народ и власть и «вызвать заглохшее патриотическое чувство, разумное, одушевленное, дельное»: «Надо вызвать не одного Минина, не одного Пожарского, которых никто не знает, но в платях которых теперь готовы нарядиться разные комиссии. Надо вызвать целый сонм людей, за которыми бы стояли города и села и чувствовали бы связь со своими избранниками. А другого средства поднять, воскресить это патриотическое чувство, кроме Земского собора, нет и нельзя его найти. Без этого же чувства страна — дикая орда, готовая рассыпаться, и уж проявляется склонность к этому разложению и даже междоусобной вражде»⁴⁹.

Это, по мнению Суворина, дало бы возможность даже после Цусимы выиграть японскую войну, превратив ее из империалистической в отечественную: «Пусть японская армия проедется по Сибирской железной дороге, которую мы провели, пусть покажет свое искусство в строительстве и передвижении. Пусть сравняется с нами своими силами, ибо только тогда можно сравнивать, только тогда можно говорить, что желтое племя победило белое. И только тогда Россия может сказать, что она

⁴³ Богданович А. В. Дневник. 19 марта 1890 г. РГИА. Ф. 1620. Ед. хр. 246. Л. 72.

⁴⁴ Богданович А. В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 138.

⁴⁵ Письмо А. С. Суворина С. Ю. Витте // Витте С. Ю. Избранные труды. М., 2010. С. 527–535.

⁴⁶ Новое время. 1904. № 10328. 30 ноября.

⁴⁷ Новое время. 1905. № 10368. 16 января.

⁴⁸ Богданович А. В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 350.

⁴⁹ Новое время. 1905. № 10491. 19 мая.

побеждена, только тогда, а не теперь, когда она воевала в чужой стране, в тридесATOM царстве <...> А мы в это время, когда Япония будет совершать такой же страннический подвиг, какой совершили русская армия и флот, мы в это время станем отстаивать не Порт-Артур и Маньчжурию, а родные поля, города и села». В случае же, если Земский собор отказался бы от продолжения войны, именно он, по мнению Суворина, мог бы заключить мир — куда более отвечающий национальным интересам, чем это сделали бы дипломаты⁵⁰.

Разумеется, в начале XX в. славянофильская программа была уже не актуальна — хотя отдельные ее элементы и были восприняты как «черносотенными», так и либеральными кругами. Петербургские славянофилы и их последователи — в отличие от славянофилов московских — не породили оригинальных идеологических и политических конструкторов. Они представляют интерес как своеобразные «ретрансляторы» зародившегося в московских салонах 1840-х гг. национально-демократического дискурса.

Источники и литература

1. Аксаков И. С. Сочинения. Т. 2: Славянофильство и западничество. — СПб., 1891.
2. Богданович А. В. Дневник. РГИА. Ф. 1620. Ед. хр. 234.
3. Богданович А. В. Дневник. РГИА. Ф. 1620. Ед. хр. 238.
4. Богданович А. В. Дневник. РГИА. Ф. 1620. Ед. хр. 246.
5. Богданович А. В. Три последних самодержца. — М., 1990.
6. Васильев А. В. Миру-народу мой отчет за прожитое время : Сборник статей, докладов, речей, стихов и заметок по вопросам христианской нравственности, права, государственного управления и хозяйства. — Петроград : Печатня М. П. С. (печатня И. Н. Кушнера с товарищи), 1908.
7. Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство. — М. : Ин-т русской цивилизации, 2009. — 496 с.
8. Катков М. Н. — Ламанскому В. И. 4 июня [б. г.]. СПФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 698.
9. Киреев А. А. — Аксакову И. С. 27 июня 1887 г. ОР ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 265.
10. Киреев А. А. — Александрову А. А. РГАЛИ. Ф. 2. Ед. хр. 14.
11. Киреев А. А. Дневник. ОР РГБ. Ф. 126. К. 9. Л. 16.
12. Киреев А. А. Краткое изложение славянофильского учения. СПб. : Тип. А. А. Пороховщикова и СПб. слав. благотвор. об-ва, 1896. — С. 5.
13. Киреев А. А. Критические заметки. — М. : Универ. тип., 1897.
14. Киреев А. А. Письма о поединках. — СПб., 1899.
15. Киреев А. А. Религиозные задачи России на православном Востоке. — М., 1896.
16. Киреев А. А. Славянофильство и национализм. — СПб., 1890.
17. Киреев А. А. Славянское обозрение // Известия СПб. слав. благотвор. об-ва. — 1883. — № 1.
18. Корнилов И. П. Заметка о литовско-русской знати и ее измене русским интересам. РГИА. Ф. 970. Ед. 185.
19. Корнилов И. П. Путевые заметки. — Витебск : Губерн. тип., 1895.
20. Корнилов И. П. Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в муравьевскую эпоху. Вып. 1. СПб.: Тип. Суворина, 1908.
21. Ламанский В. И. Геополитика панславизма. — М. : Ин-т рус. цивилизации, 2010. — 928 с.
22. Миллер О. Ф. Западники и славянофилы в их отношении к малорусской народности. — СПб., 1884.
23. Миллер О. Ф. Славянофилы и Катков // Русский курьер. — 1887. — № 267.
24. Миллер О. Ф. Славянство и Европа. — СПб., 1887.

⁵⁰ Новое время. 1905. № 10493. 21 мая.

25. *Миллер О. Ф.* Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса. Илья Муромец и богатырство Киевское. — СПб., 1870.
26. *Миллер О. Ф.* Ужасная логика (1 марта 1881 г.). — М., 1881. — С. 1–2.
27. *Никитенко А. В.* Дневник : в 3 т. Т. 3. — СПб. : Худ. лит., 1956.
28. Новое время. — 1882. — № 2229. — 14 мая.
29. Новое время. — 1904. — № 10328. — 30 ноября.
30. Новое время. — 1905. — № 10368. — 16 января.
31. Новое время. — 1905. — № 10491. — 19 мая.
32. Новое время. — 1905. — № 10493. — 21 мая.
33. Переписка двух славянофилов // Русская мысль. — 1916. — Кн. 9. — С. 7.
34. Письмо А. С. Суворина С. Ю. Витте // Витте С. Ю. Избранные труды. — М. : РОССПЭН, 2010. — С. 527–535.
35. *Розанов В. В.* Письма 1917–1919 годов // Литературная учеба. — 1990. — №. 1.
36. Славянский сборник : Славянский вопрос и русское общество в 1867–1878 гг. — М. : Изд-во ГБЛ, 1948.
37. *Страхов Н. Н.* Литературная критика : сборник статей. — СПб. : Изд-во РХГИ, 2000. — 461 с.
38. Черняев М. Г. — Кулаковскому П. А. 27 ноября 1895 г. ОР ИРЛИ. Ф. 572. Ед. хр. 254. Л. 7–8.

Aleksandr Kotov. The Slavophile Movement in St. Petersburg in the 1860's — 90's.

The article is devoted to the identification of the specific features of Slavophilism in St. Petersburg in the 1860's to 90's. The social and political views of the post-reform publicists “pochvenniki”, as well as Orest Miller, Ivan Kornilov, Vladimir Lamansky, Aleksandr Vasiliev, Aleksandr Kireev, and others are considered. From philosophical movement to political ideology, Slavophilism became increasingly more popular among various groups in the intelligentsia, including civil servants. Basically, like Moscow Slavophilism and the conservative-democratic movement, the Slavophilism of St. Petersburg “accommodated” both the state and egalitarian-democratic tendencies, which did not always coexist peacefully, but usually did not contradict each other in many respects. Perhaps more sharply than the Moscow Slavophiles, the St. Petersburg group discussed the national question. The St. Petersburg Slavophiles and their followers did not generate original ideological and political constructs. They are of interest as a kind of “retranslators” of the national democratic discourse that originated in the Moscow salons of the 1840's.

Keywords: conservatism, nationalism, democracy, Slavophilism, Aleksandr Hilferding, Orest Miller, Ivan Kornilov, Vladimir Lamansky, Aleksandr Vasiliev, Aleksandr Kireyev, Mikhail Chernyayev.

Aleksandr Eduardovich Kotov — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Institute of History at St. Petersburg State University (akotov@inbox.ru).